

Воздух, которым мы дышим до сих пор

Смерть поэта ставит его читателей, в том числе и его собратьев, его друзей, в положение трагическое. Столько лет он был вашим собеседником — и вдруг... В эти дни очень многое будет сказано о Бродском, много найдется охотников о нем говорить. О том, что такое его смерть — для нас, его собеседников. Мне об этом говорить не хочется. Но и ни о чем другом думать я сейчас не могу.

Смерть — это как обухом по голове, но еще страшнее внезапной завершенности судьбы — сама судьба, в которой в полной мере проявилась давняя российская традиция пренебрежения личностью.

В Ленинграде, лет тридцать назад, меня познакомили с молодым человеком, с первых минут общения покоришим меня своей яркой одаренностью. Общение с ним и тогда, и тридцать лет спустя, когда мы виделись в Нью-Йорке, было сложным, но это была сложность, так сказать, бытовая, а вот когда разговор заходил о поэзии, о России и о времени — это был, я бы сказал, **совершенно нормально** мыслящий человек. Вещи действительно сложные он чувствовал очень тонко и ясно и выражал эти свои ощущения предельно внятно.

И вдруг его арестовали. Почему? Нет ответа.

Потом — опять же вдруг — судилище над ним, позорное для страны, где именно в то время вроде бы так любили поэзию. Почему? Нет ответа.

Потом — ссылка. Почему? Я говорю не о «составе преступления», не о «мере пресечения» — о диком факте.

Потом — вдруг — выталкивают за границу, лишают гражданства. Почему? Почему? Вопрос висит в воздухе, которым мы дышим, до сих пор. И мысль об этом наиболее удручающая, печальная во всей истории.

Еще одно «вдруг» — мы оценили Бродского после его Нобелевской премии. Была гласность, его сразу начали в России печатать, издавать. Приглашать в гости. Если задуматься, это была такая же реакция, как и на Нобелевскую премию Пастернака. Реакция холопская, не культурная, реакция толпы, которая шибко грамотных людей всегда не любила, даже когда их превозносила. Сам он к этой премии относился весьма сдержанно: он знал себе цену. Это событие не вскружило ему голову, не заставило как-то иначе смотреть на себя, а тем более на собратьев по перу. Чего в нем совсем не было — так это пренебрежения к поэтам. У меня есть песенка о Моцарте. Когда я впервые ее напечатал в книжке, я поставил посвящение: «И. Б.» — и многие тогда восприняли это как посвящение Иосифу Бродскому, хотя стихи посвящены другому человеку. И он сам так думал и при встрече сказал мне, что стихи эти ему давно нравятся и что ему приятно посвящение. Когда я не без смущения объяснил, вот, мол, произошло недоразумение, он к этому отнесся спокойно. В прошлом году я написал стихотворение, которое уж точно никому, кроме него, не может быть посвящено, все собирался передать с оказией, потом думал, что лучше бы подарить при встрече. Теперь это будет эпитафией. Надеюсь, посмертная публикация не оскорбит его память.

Вот об этом сегодня думаешь: **чтобы не оскорбить его память**. Он не хотел приезжать в Россию, хотя его все время звали. Он ссылался на больное сердце, но причина была другой. И нам надо очень серьезно подумать, постараться найти ответ на вопрос: «Почему?» Может быть, он боялся, что слишком далеко отчалил от своей родины, от того, что представляет собой сегодня наша культура? Нет, нет... Он прекрасно понимал, что подлинная культура все равно существует, что она есть. Она есть: утешением в эти дни могут быть его книги, его последние стихи и эссе, которые пока еще на пути в Россию. Все-таки он вернулся к нам — вот таким образом, пусть и с опозданием. И теперь главное для нас — быть его достойными собеседниками. Мы еще не достойны, я в этом убежден.

Во-первых, потому что мы, даже напечатав не только почти все им написанное, но и материалы «дела Бродского», стенограмму процесса над ним, в общем-то не покаяться. Не назвали поименно всех, кто его посадил в тюрьму, а потом вытолкнул за рубеж. Я боюсь, что он и приезжать в Ленинград — для него-то это навсегда остался Ленинград — не хотел, чтобы не увидеть в толпе встречающих своих гонителей... Я вспоминаю, как проходили у нас в те годы похороны какого-нибудь писателя, не очень удобного власти, но, поскольку он был известен, надо было устраивать официальное зрелище. И всегда было, как в песне Галича на смерть Пастернака (кстати, Бродский очень любил эту песню): почетный караул у гроба несут палачи, мародеры...

Вот об этом нам нужно думать сегодня.

И понимая, что судьба Бродского — такая обычная, вечная для России история, все-таки задавать себе вопрос: «Почему?»...

Булат ОКУДЖАВА

От него в веках борозда длинней...

Общая газ. -1996.-1 февр.-с.1.

Иосиф БРОДСКИЙ

AERE PERENNIUS

Приключилась на твердую вещь напасть:

будто лишних дней циферблата пасть

отрыгнула назад, до бровей сыта

крупным будущим, чтобы считать до ста.

И вокруг твердой вещи чужие ей

встали кодлом, базаря «Ржавей живей»

и «Даешь песок, чтобы в гроб хромать,

если ты из кости или камня, мать».

Отвечала вещь, на слова скупа:

«Не замай меня, лишних дней толпа!

Гнуть свинцовый дрын или кровли жесть —

не рукой под черную юбку лезть.

А тот камень-кость, гвоздь моей красы —

он скучает по вам с мезозоя, псы:

от него в веках борозда длинней,

чем у вас с вечной жизнью с кадиллом в ней».

В последний год жизни Иосиф Бродский сложил свой стихотворный памятник, обратившись к традиционному мотиву мировой поэзии, восходящему к Горацию: «Exegi monumentum aere perennius...» («Создал памятник я, бронзы литой прочней...»). Свои переложения этой оды оставили Ломоносов и Державин. Незадолго до смерти Пушкин написал ставшее потом легендарным стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Перекличка с одой Горация слышится у многих русских поэтов: так, слова «бег времени» (fuga temporum) стали названием последней книги Анны Ахматовой.

Бродский взял из античного источника лишь выражение «aere perennius» («прочнее меди») и развернул его в диалог о бренности жизни и бессмертии поэзии. Избегая высокого стиля, Бродский называет художественное слово «твердой вещью» — и все стихотворение написано твердыми, жесткими словами, точно передающими ощущение глубокой и непоколебимой веры в достоинство поэзии. Стихотворение входит в подборку, которую автор за несколько дней до кончины передал редакции «Нового мира» и которая будет опубликована в майском номере этого года.